

нил собой первоначальных Эриннию и Тисифону. На основании византийских текстов автор устанавливает, что в восточной демонологии очень часто злой дух (Гиллу), пожирающий новорожденных, изображался в виде мухи.

L. L a s g o i x свою большую статью посвящает разбору одинаково звучащих названий рыб и птиц («Noms de poissons et noms d'oiseaux en Grec ancien», стр. 265—302). Он устанавливает, что лишь часть этих названий может быть объяснена самостоятельно, большинство же является заимствованным. Здесь играет роль форма рыб (например, летучие рыбы), их окраска, особенности той или иной части их тела. Автор разбирает 35 названий рыб и истолковывает их, подчеркивая их тесную связь с разговорным народным языком.

A. G e u b e l дает маленькую заметку о раскопках в Agrion в 1930 г. (р. 303—304).

Fr. D e - K u y t посвящает свою статью современному состоянию этрускологии («Le problème de la langue étrusque», стр. 305—318). На основании данных языка он приходит к выводу о родстве этрусков с южными народностями Италии и об отсутствии какой бы то ни было связи их с латинским племенем. Более всего язык этрусков похож на древне-малоазийские (карийский, лидийский и ликийский), на микенский и критский и на диалект Лемноса.

F. P e e t e r s в своем большом обзоре охватывает все, что сделано за истекшее десятилетие в области научной библиографии, описания рукописей и форм издания текстов («La technique d'édition 1926—1936», стр. 319—356).

R. H e n g u в подробном обзоре библиографии за последние годы, посвященном мелким произведениям Вергилия («Où en est l'énigme de l'Appendix Virgiliana?» стр. 357—395), приходит к выводу, что, несмотря на множество написанных на эту тему статей, вопрос все еще остается не решенным.

С. Кондратьев

✠ А. И. АМИРАНАШВИЛИ, *Новая находка в низовьях реки Ингура*, изд. Тбилисского гос. университета (Материалы по археологии Грузии), 77 стр. с 10 таблицами и 35 рисунками в тексте, Тбилиси, 1935, тираж 2 200 экз., цена 8 руб.

Названная публикация посвящена коллекции вещей, хранящихся в Зугдидском музее Грузинской ССР и получивших под названием «Зугдидского клада» широкую известность в археологических кругах еще за несколько лет до публикации.

Найденный в 1930 г. «Зугдидский клад» приоткрывает завесу над прошлым богатой памятниками, но еще мало изученной Колхиды.

Входящие в состав Ингурской находки вещи поддаются точной датировке и имеют весьма ярко выраженные стилистические признаки, связывающие их, с одной стороны, с эллинизированной культурой тогдашних центров северного Причерноморья и, прежде всего, Боспорского царства, с другой стороны—с местными культурными центрами и западного Кавказа, искусство которых, сформировавшееся еще в эпоху бронзы, имело специфически локальные черты. Обстоятельства находки этих вещей не позволяют судить о характере комплекса, одну лишь четвертую часть которого (остальное было расхищено) они представляют.

Автор публикации предполагает, не настаивая, впрочем, на этом предположении, что комплекс являлся погребальным. Указания на это автор находит лишь в составе вещей: 13 золотых украшений, среди которых фигурная голова оленя, украшенная зернью бусина, зерню и цветным стеклом украшенные обкладки и бляшки, 5 серебряных сосудов и много фрагментов подобных же сосудов, ручка бронзового кувшина и части железных конских удил и железной кольчуги. Нельзя сказать, чтобы подобный остав сам по себе давал что-либо существенное для определения значения комплекса. Довольно важное указание, говорящее против этого предположения (на месте находки при его обследовании не было обнаружено никаких признаков человеческих костей),

автор отвергает на том основании, что вещи лежали в сыром грунте и что кости, следовательно, должны были разрушиться,—вывод неверный и основанный лишь на недоразумении, которое может быть рассеяно ссылкой на раскопки самой же А. И. Амиранашвили на холме Наохвамуш близ ст. Квалони, где в весьма сыром грунте ею были добыты костяные орудия и огромное количество костей животных прекрасной сохранности. Известно к тому же, что культурные слои, залегающие в торфяниках ниже поверхности грунтовых или наземных вод, прекрасно сохраняют не только кости, но и гораздо легче поддающееся разрушению дерево. Необходимо примириться с тем, что возможность для решения вопроса о характере всего комплекса для нас утрачена благодаря случайности и фрагментарности находки. Все же эти вещи, в особенности некоторые из них, весьма выразительны. Они позволяют делать выводы о вероятном месте их производства и о характере материальной культуры страны колхов. Автор устанавливает две художественные струи, дающие себя почувствовать через формы и стиль Ингурских находок. Это—ювелирное искусство Боспора (а через Боспор в первую очередь Малой Азии) и звериный стиль кавказской бронзы (навершье в виде золотой головы оленя тонкой чеканной работы). Азиатская часть Боспорского царства дает очень большое число аналогий и для посуды из драгоценных металлов и для бляшек, украшенных вставками из разноцветного стекла. Стоит вспомнить лишь курганную находку близ ст. Сиверской («Сиверский клад»), где перед нами стеклянные в золотой обкладке сосуды того же типа, что и фрагментированный серебряный канфар Зугдидского клада, и золотые бляхи, исполненные в той же технике и с такими же вставками из разноцветного стекла или камня. Подобные же аналогии дают находка близ ст. Ахтанизовской на Таманском полуострове и ряд других предметов, исполненных с соблюдением той же художественной традиции.

Голова оленя, наиболее любопытный из предметов Ингурской находки, заслуживает специального исследования, поскольку до сих пор нельзя считать вполне ясными ни ее назначение, ни происхождение. В отношении последнего автор справедливо указывает на ее близость к общему облику бронзовых оленей Казбекского клада и других кавказских находок эпохи поздней бронзы. Близость эта очевидна во многих чертах, однако столь же очевидна и разница, коренящаяся не только в одновременности сравниваемых предметов, в различии материала и техники его обработки. Налицо более глубокие и чисто стилистические несовпадения. Зугдидская оленья голова по той манере, в которой она исполнена, до известной степени также тяготеет к Боспору или во всяком случае к той ювелирной технике, в которой исполнены упоминавшиеся выше боспорские украшения. К сожалению, ни Боспор, ни Кавказ не дают пока прямых и синхронных аналогий для этого очень интересного предмета¹. Возможно, что подобные аналогии мог бы дать Понт, материал которого, к сожалению, пока еще весьма мало известен. Как бы там ни было, мы могли бы, мне кажется, говорить о принадлежности этого памятника к искусству понтийского круга, объединяя в нем Боспор, Кавказское побережье и Каппадокию. Аналогии, подобные вышеуказанным, дали возможность автору сделать очень точные выводы в отношении хронологии находки. Вещи, несомненно, не позднее начала I в. н. э.; однако, как кажется, можно допустить и несколько более раннюю дату, а именно I в. до н. э., что согласуется с датировками известной части привлеченного А. И. Амиранашвили к обсуждению материала и подкрепляется датой Сиверского клада.

Как известно, в I в. до н. э. культурные и политические связи Боспора и Понта были наиболее интенсивны. Период этот надо считать весьма благоприятным для

¹ Опубликованное недавно («Eurasia Sept. antiqua», X, 55) бронзовое навершье Новочеркасского музея—голова оленя на длинной втулке, с условно трактованными ветвистыми рогами—указывает нам лишь прототип навершья Зугдидского клада. Равно как и происходящая из того же Новочеркасского музея фрагм. бронзовая пластина (там же, стр. 57) имеет орнаментальные мотивы, близкие мотивам золотой обкладки из Зугдидского клада (табл. II, 5). Но все это лишь подтверждает наличие очень сильной местной традиции, лежащей в основании ювелирного искусства эллинизированного Кавказа.

распространения перекрестных художественных влияний и для проникновения на кавказские рынки многочисленной и разнообразной продукции боспорского и каппадокийского ремесла, в том числе и драгоценных изделий.

В Ингурской находке перед нами, несомненно, продукт того быта и искусства, которые складывались в результате событий, объединивших на короткий срок юг и северо-восток Эвелинского Понта в борьбе с римской военной экспансией.

Исследуя в этой связи значение вещей Зугдидского клада, А. И. Амиранашвили указывает для них несколько аналогий из различных мест западного и центрального Кавказа,—таких, например, как серебряный сосуд, найденный в Борн, другой сосуд из Бандза (Менгрелия) и ювелирные изделия (бусы, серьги и бляшки) из Носири, близ ст. Абиша, и из могильника Камунты.

Публикация Зугдидского клада¹ сопровождается подробным и точным описанием предметов, включающим в себя определение приемов техники их изготовления, установление назначения степени сохранности и вероятной реконструкции формы в тех случаях, когда речь идет о фрагментах. Аналитическая часть, рассматривающая вопросы происхождения, хронологии и культурно-исторического значения находки, выделена в особую главу. Некоторые из высказанных в ней положений были нами рассмотрены выше.

Новый материал, добытый раскопками самых последних лет, в значительной части еще не опубликованный, несомненно, позволит в ближайшем будущем определить точнее и конкретнее, чем это возможно было до сих пор, место Зугдидского клада в ряду памятников материальной культуры древнего Закавказья.

Л. Ельницкий

Библиографические заметки

Первый том «Истории народов СССР»

Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР подготовлен к изданию первый том шеститомника по истории СССР. Советскими историками проделана громадная работа по изучению самого древнейшего периода истории народов СССР, начиная с глубокой древности и кончая образованием древнерусского государства.

Первый том, над которым работал большой коллектив научных работников, делится на четыре части. Первая часть, состоящая из трех глав, посвящается периоду первобытно-общинного строя на территории СССР. Глава первая—освещает период дикости, низшую и среднюю его ступень, а также характеризует географическую среду древнейшей эпохи истории. Глава вторая—рассматривает высшую ступень дикости и низшую ступень варварства на территории СССР. Глава третья—излагает среднюю ступень варварства—эпоху меди и бронзы. В ней дается также освещение культурного развития в глубокой древности таких частей нашей страны, как Кавказ, Закавказье, Сибирь, Казахстан, нижнее и среднее Приднепровье и т. д. Изложение всех трех глав доводится до конца медно-бронзового века и появления железа.

Вторая часть тома содержит шесть глав и охватывает период от возникновения Урартийского государства до так называемого переселения народов, т. е. до крушения античной рабовладельческой цивилизации. Глава первая—посвящена Закавказью и Средней Азии в составе государств Древнего Востока. Изложение начинается с образования государства Урарту и его борьбы с Ассирией, далее дается краткая история киммерийцев и скифов. Глава вторая—отведена северному Причерноморью, скифам и грекам в северном Причерноморье в VII—IV вв. до н. э. Затем освещается период греческой колонизации северного и восточного Причерноморья и Боспорских госу-

¹ К сожалению, не все воспроизведения вещей достаточно отчетливы; в особенности это относится к бляхам на табл. III со звериными изображениями, уразумению которых мало помогает и помещенный в тексте штриховой рисунок.